

АЛЕКСЕЙ БУТИН

**ВОСПРИЯТИЕ
ВРЕМЕНИ И
ПРОСТРАНСТВА
В РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ
ЭПОХИ
КОРНЕЛИЯ
ТАЦИТА**

Алексей Бутин

**Восприятие времени
и пространства в Римской
империи эпохи Корнелия Тацита**

«Издательские решения»

Бутин А. А.

Восприятие времени и пространства в Римской империи эпохи
Корнелия Тацита / А. А. Бутин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969914-5

Монография является первым в отечественной науке комплексным исследованием восприятия, осмысления времени и пространства жителями ранней Римской империи (I — нач. II вв.) через введение понятия «хронотоп принципата». Основой для исследования послужили сочинения выдающегося историка эпохи раннего принципата — Корнелия Тацита — эпохи, ставшей переломной для истории Рима и всего античного мира. Работа выдержана в лучших традициях популярного жанра «новой» культурной истории.

ISBN 978-5-44-969914-5

© Бутин А. А.
© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСЕЙ БУТИН	6
ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЕНА КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА	6
ЯРОСЛАВЛЬ	7
2019	8
ALEXEY BUTIN	9
The perception of time and space in the Roman Empire at the time of Cornelius Tacitus	9
RUSSIA, YAROSLAVL	10
2019	11
Оглавление	12
Table of contents	14
summary	16
Глава I. Введение. Тацит и его эпоха	19
1. Время и пространство в научной традиции	21
2. Эпоха, жизнь и творчество Тацита: российские и зарубежные исследования	26
3. Эпоха Тацита: историко-культурный контекст времени ранней империи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Восприятие времени и пространства в Римской империи эпохи Корнелия Тацита

Алексей Андреевич Бутин

© Алексей Андреевич Бутин, 2019

ISBN 978-5-4496-9914-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСЕЙ БУТИН

**ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВРЕМЕНА КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА**

яРОСЛАВЛЬ

2019

ALEXEY BUTIN

**The perception of time and space in the Roman
Empire at the time of Cornelius Tacitus**

RUSSIA, YAROSLAVL

2019

Оглавление

SUMMARY __ 12

Глава I.

Введение. Тацит и его эпоха __ 18

1. Время и пространство в научной традиции
2. Эпоха, жизнь и творчество Тацита: российские и зарубежные исследования
3. Эпоха Тацита: историко-культурный контекст времени ранней империи

Глава II.

Хронотоп принципата: теоретико-методологическое обоснование концепта __ 61

Глава III.

Время и пространство в картине мира римлян I – начала II в. Макромир __ 83

1. Образы прошлого, настоящего и будущего в картине мира римлян
2. Проблема направление времени
3. Дихотомия «центр – периферия»
4. Вертикаль мира: верхний – средний – нижний «миры»
5. Дихотомия «мир природы – римский социум»

Глава IV.

Время и пространство как координаты социальной реальности раннего принципата __ 148

1. Священное время и священное пространство. Профанное
2. Время и пространство войны и мира
3. Время и пространство публичной и частной жизни
4. Индивидуальное время и индивидуальное пространство. Границы индивидуального. Родовое и семейное

Глава V.

Время и пространство в историософии Тацита __ 195

1. Образы прошлого, настоящего и будущего
2. Мотив «порчи нравов»
3. Образы пространства

Заключение ____ 245

Глоссарий ____ 254

Библиографический список ____ 263

Приложение 1 __ 280

Концепт «время». «Историческое время» в Древнем Риме: историография

Приложение 2 __ 292

Актуализация концептов «время» и «пространство» в структуре мифологического мышления в отечественной литературе

Приложение 3 __ 328

Проблема методологии изучения ментальности в сознании человека доиндустриальной эпохи

Приложение 4 ____ 339

Дихотомия мифологического и обыденно-рационального в религиозных воззрениях римлян

Table of contents

SUMMARY ____ 12

Chapter I.

Introduction. Tacitus and its era ____ 18

1. Time and space in the scientific tradition
2. The era of the life and works of Tacitus: Russian and European Studies
3. The era of Tacitus: the historical and cultural context of the time of the early empire

Chapter II

Chronotopus of Principatus: Theoretical and Methodological Substantiation of the Concept ____ 61

Chapter III

Time and space in the picture of the world of the Romans I – the beginning of the II century AD. ____ 83

1. Images of the past, present and future in the picture of the world of the Romans
2. The problem is the direction of time
3. The «center-periphery» dichotomy
4. The vertical of the world: upper – middle – lower «worlds»
5. The dichotomy «the world of nature – the Roman society»

Chapter IV

Time and space as the coordinates of the social reality of the early principatus __ 148

1. Sacred time and sacred space. Everyday time and space
2. The time and space of war and peace
3. Time and space of public and private life
4. Individual time and individual space. The boundaries of individual time. Family and family time and space

Chapter V.

Time and space in the historical philosophy of Tacitus _ 195

1. Images of past, present and future
2. The motive of «moral damage»
3. Images of terrestrial space

Conclusion ____ 245

Glossary ____ 254

Bibliographic list __ 263

Attachment 1 ____ 280

The concept of «time.» «Historical Time» in Ancient Rome: Historiography

Attachment 2 ____ 292

Updating the concepts of «time» and «space» in the structure of mythological thinking in the Russian scientific literature

Attachment 3 ____ 328

The problem of the methodology of studying mentality in the human mind of the pre-industrial era

***Attachment 4* ___ 339**

The dichotomy of the mythological and ordinary-rational in the religious beliefs of the Romans

summary

In this study, an attempt was made to reconstruct the ideas of the ancient Romans of the early principle principle on time and space based on the works of the classic of ancient historical literature Cornelius Tacitus. His writings were often used by scholars in conducting various historical studies, but they were rarely used to study the mental characteristics of ancient Romans, while the study of values and concepts constitutes the paradigm of modern humanitarian knowledge. In addition, of particular interest is the application to such traditional sources as the written heritage of ancient intellectuals, the approaches of the «new» cultural history – one of the most dynamically developing areas of modern historical science.

The structure of time in the understanding of man of the modern information society is expressed in a linear sequence of past, present and future, which is characterized by uniformity, unidirectionality, continuity. However, time in its mythological vision is characterized by qualitative conditionality of perception, heterogeneity, unevenness, discreteness, eventful fullness and concreteness, perception in close connection with space. Space, in turn, being an abstract and infinite continuum for a modern person, for a person with a mythological type of thinking, possessed the properties of discreteness, subject fullness, limitation, isolation, qualitative heterogeneity.

These attributions of time and space are clearly presented in the picture of the world of the Romans I – the beginning of the II. In our opinion, the concept of «**Chronotopus of Principatus**» can be applied to this epoch – a system of spatial-temporal coordinates of the political, social, cultural, ideological levels of existence of the Romans of the early Empire era, welded with the idea of «Pax Romana». With the help of this term, our observations on the inseparable unity of time and space, their inseparability from each other are most accurately expressed.

Emphasizing the integrity of the mythological type of thinking of the Romans and the integrity of the picture of the world inherent in their consciousness, we did not leave without analysis the main ontological parameters of the existence of time and space, specifically developed by the consciousness of the inhabitants of the Eternal City. The direction of the flow of time in the collective understanding of the ancient Romans was cyclical. In the heritage of Tacitus, we found cycles of different lengths, the shortest of which was equal to one day. Also among the manifestations of cyclicity can be called characteristic for the descendants of Romulus orientation in time in connection with the consulate, the annual oath to the emperor, the festive culture and similar phenomena repeated with enviable regularity.

It is impossible to deny the existence in the minds of the Romans of the idealization of the past, the psychological orientation primarily on the mores and traditions of the ancestors, the ideals of the Republic. The Romans, who are not capable of changing the present, were much more concerned about the future, which is why there were many ways to gain it in their arsenal.

In the era of the Empire began the process of politicization (nationalization) of time. This is evident from the fact that the calendar years were designated by the names of the consuls. The princeps and the senate claimed the management of the qualitative characteristics of the time, and through this the subordination of the psychological state of the subjects.

The proximity of the Roman understanding of time to modern is the presence of a temporal orientation to cosmic phenomena. The essential difference, however, was that the Romans deified and animated the world of nature, perceived themselves inseparably from it, therefore the world of nature had a strong influence on the motives and patterns of their behavior. The desire to make at least partially controlled unpredictable natural force made the Romans respect the predictions, signs, dreams, and also introduce new means of influencing the space of nature – measures designed to create the illusion of managing space time.

Inherent in the mentality of the Romans, curiosity and practicality prompted them to be interested in the world around them. The earth was represented to them by a circle that washes the Ocean on all sides. Rome was considered the sacred center of the earthly circle, while the periphery of the world, which was in opposition to the center, was perceived as an alien, dangerous space and was inhabited by folk fantasy as fairy-tale creatures. The priesthood of Rome-city was given, above all, by its aegis – the Capitoline Triad of the Gods, which was the leading channel of communication between the heavenly and the earthly levels of the world. The sky and the world of wildlife, therefore, were under the vigilant control of the Romans.

Following the archetypes of their ancestors, the Romans sought to delineate the images of time and space in accordance with the binary oppositions formed in the process of their everyday practice: «one's own – another's», «military-peaceful», «public – private», «sacred – professional».

Tacitus as a carrier of the picture of the world inherent in ancient Roman civilization was at the same time a representative of its intellectual elite, transmitting through its historical works the original interpretation of the categories «time», «space» and «history». His view of the history of Rome was based on the conclusions he made from contrasting images of the past and the present, as well as on understanding the contradictory tendencies of the development of Roman society in the first and the beginning of the second centuries.

The main content of the works of Tacitus is socially and politically oriented. These are reflections on the historical role of Rome in relation to the surrounding nations, the collapse of the old republican foundations and the triumph of imperial power, patriotic bravado about the power of the Empire, turning into dramatic descriptions of the decline of the moral foundations of the population of Rome.

Time was estimated by Tacitus from the point of view of his political context; therefore, it is represented by segments consisting of consular periods, military campaigns, and stories about social and political life, and all this is woven together by one common thread – the formation of the Roman World and its romanization. Peace time for him is the time of enjoying the «benefits of peace», public time is the time of hard work in the name of the glory of the Empire. War for him is a drama, but it was the war that promoted the formation of the «Roman World».

In the perception of space, Tacitus is skeptical about the fantasies of his people about the periphery and the cosmos. The sacred center of the world – Rome – was perceived by the historian ambivalent. On the one hand, Rome, as the center of the world, connected the world of the gods with the space of people (vertically) and pushed to itself the whole space of «Pax Romana» (horizontally). But this is his «universal» mission did not correlate with the unworthy manifestations of the space of everyday life.

Time in Tacitus has the following properties: the ability to roll back, dynamism, eventful saturation. He has a tendency towards individualization of time, and his orientation is carried out according to the years of the reign of the consuls.

In the works of Tacitus, the action of the two main driving forces of the historical process is observed. First, these are individual interests and aspirations, in which the individualization of time is expressed. He recognizes the fundamental role of the individual in history (which is completely inconsistent with the polis republican ideology). The second driving force behind his story is the influence of the will («anger») of the gods and the inevitability of fate.

The consciousness of Tacitus as an erudite historian, who had the opportunity to compare the past and the present, which belonged to his time and his civilization, reflected a specific refraction of Roman history, expressed in its complex and contradictory historiosophical concept.

The perception of the past was carried out by Tacitus through the prism of two opposing trends: the attainment of the greatness and glory of Rome and the degradation of public morality. The first tendency was expressed in the idea of «Pax Romana», the essence of which was to spread Roman influence throughout the known world; it is, in other words, a kind of prototype of modern

globalization. The idea of «Pax Romana» received its final design under Augustus, and, accordingly, the «Roman World» was conceived by Tacitus already existing in the present tense. The second, the opposite, is a tendency embodied in Tacitus in full acceptance of that formed in the first century. BC. the concept of «moral damage», which implies an assessment of Roman history from the point of view of moral degradation of society. In the past, there were examples of moral virtue, military prowess and just government. In the present, sacred laws and customs were violated all the time, the sanctity of the territory of Rome itself was desecrated, the fall of piety, one of the main components of the republican virtue, occurred.

The ideal for Tacitus was the admirable Roman past. It was there that were samples of morality, military valor, civil virtues, only the past should have been admired. Therefore, it was in him, and not in the present and not in the future, that the so-called «golden age» of Roman history was located. The desire to preserve the traditional Roman morality, the intention to revive republican ideals and values with the help of his writings were for Tacitus the most important tasks of the historical narrative.

So, the comprehension of the concepts of «time» and «space» by the inhabitants of the ancient Roman civilization was complex and controversial, closely related to the general characteristics of their vision of the world. Among the results of this understanding, there is a significant number of features that are related to it with generally accepted ideas about the space-time structures in the consciousness of the peoples of antiquity. On the one hand, the general principles of constructing these concepts were typical of ancient peoples, but, on the other hand, the very course of the history of the Romans predetermined the specifically Roman content of their perception of time and space of their social reality. The space and time of war, filled with the idea of world domination, an intense and attentive perception of public life, a rational and politically biased understanding of the sacred coordinates – these are truly Roman features of understanding the world.

Глава I. Введение. Тацит и его эпоха

Время и пространство – определяющие параметры существования и осмысления мира, фундаментальные формы человеческого опыта, изучение которых способно пролить свет на уникальность изучаемой культуры. Поскольку представители каждой культуры по-своему осмысливали и познавали окружающий мир, постольку их культуры приобретали неповторимый характер. Для древних цивилизаций и Древнеримской, в том числе, характерна особая специфика осмысления времени и пространства, порождавшаяся мифологическим типом мышления: их глубочайшая взаимосвязь, выражаемая в хронотопе культуры и эпохи.

Время и пространство оказывают первостепенное влияние на конструирование картины мира, которой человек руководствуется во всем своем поведении. Эти категории запечатлены в языке, а также в других знаковых системах (в религии, искусстве, науке). Кроме того, по верному замечанию Жака Ле Гоффа, перспективность изучения времени и пространства обусловлена их концептуальностью: они одновременно являются границами и реальности, и мира воспринимаемого, и мира мыслимого¹.

Исследование времени и пространства как важнейших компонентов картины мира древних римлян могло бы приблизить нас к решению проблемы сущности принципата. Попытки представить этот первый в истории режим «политического лицемерия»² без мифологизированных представлений римлян о власти, манипуляций принципсами идеей «золотого века», которые, в свою очередь, укоренялись в римских ощущениях времени и пространства, обречены на неудачу.

Актуальность исследования определяется и тем, что она находится в русле современных научных изысканий исторической науки, ориентированной на междисциплинарный дискурс. В этой связи необходимо упомянуть об основном для нашего исследования понятии «хронотоп», введенном А. А. Ухтомским в контексте физиологических исследований и вошедшем, благодаря М. М. Бахтину, в арсенал культурно-антропологических работ. «Хронотоп» в современной науке – это универсальное, интегративное понятие, под которым понимают целостное «время-пространство». В нашем исследовании принято именно это понимание хронотопа.

Интегративный характер категории «хронотоп» дает возможность акцентировать целостность картины мира римлян эпохи ранней Римской империи, генерировать пространственно-временные ориентиры, представленные в наследии Корнелия Тацита. Изучение этой проблемы при помощи значимых для историко-культурной традиции свидетельств историка и мыслителя Корнелия Тацита дает возможность реконструировать картину мира римлян эпохи раннего принципата – времени конституирования режима ограниченной монархии.

Экстраполируя термин «хронотоп» на сознание римлян изучаемой эпохи, мы осознаем, что «хронотоп» – это сугубо научная абстракция, неподконтрольная мифологическому типу мышления человека древности. Однако именно этот концепт позволяет наиболее точно передать идею «целостности античной картины мира»³.

Одной из главных тем сочинений Публия Корнелия Тацита являлись размышления о взаимоотношения римлян и завоеванных ими народов, что помогает пролить свет на важный аспект восприятия «чужого» пространства и самим историком, и жителями Рима. Как в «Германии», так и в «Агриколе» содержится множество подтверждений «испорченности» римских нравов, что дало повод Тациту искать идеал будущего римского государства в прошлом. Идеи, высказанные в «Диалоге об ораторах», также базируются на столкновении идеалов прошлого

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 20.

² Всемирная история: в 6 т. Т. 1. Древний мир / отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 609—615.

³ Кузнецова Т. Ф., Межуев В. М., Шайтанов И. О. Культура: теории и проблемы. М., 1995. С. 154.

и реалий настоящего. Представляя различные социальные группы римского общества, ораторы транслируют спектр мнений об идеальном государстве, общественной морали, политических ценностях. Кроме того, в этом произведении содержится информация о времени и пространстве публичной жизни I – начала II в.

Основное содержание сохранившихся книг «Истории» Тацита состоит в изложении борьбы политических группировок, сложившихся во второй половине I в. Описанные Тацитом события гражданской войны 68—69 гг. заставляют его рефлексировать над прошлым и настоящим Рима, поэтому именно при работе над «Историей» начали формироваться его историософские взгляды. Сюжетные линии «Анналов» также существенно обогащают наши представления о времени и пространстве войны и мира, а также публичном времени и пространстве. Но, в отличие от «Истории», в этом произведении важную роль играют отступления, посвященные римской или местной мифологии, дополняемые характерными для того времени географическими данными, сведениями по истории отдельного народа или города, а также собственными размышлениями Тацита. Вместе с этим, римская повседневность, частная жизнь римлян меньше привлекали его внимание, поэтому он не может являться единственным и исчерпывающим информатором о вопросах времени и пространства обыденной римской повседневности, частной жизни своих соотечественников. Эта особенность сочинений Тацита делает востребованным произведение Светония «Жизнь двенадцати цезарей».

В «Анналах» Тациту удалось окончательно оформить свои рассуждения о сущности императорского режима: моральная деградация власти и разрушение былой полисной солидарности воспринимаются им как сущность, основа принципата, что наталкивает историка на неутешительные выводы о регрессивном движении римской истории, и это сближает его рассуждения с концепцией римской истории, изложенной Саллюстием. В обоих крупных сочинениях Тацита содержится значительное количество указаний на сюжеты, относящиеся к эпохе мифологизированного прошлого, значение которой для римлян помогло определить обращение к «Энеиде» Вергилия.

Главным методологическим ориентиром для нас являются подходы к изучению прошлого человечества, характерные для «новой» культурной истории (Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич, Ж. Дюби, А. Л. Ястребицкая). Именно «новая» культурная история, по мнению Ю. Л. Бессмертного, «представляет направление интегративного анализа прошлого, отличающееся установкой на изучение представлений и мотивов человеческого поведения, взятых во взаимосвязи со всеми элементами и сторонами социальной системы»⁴.

Труды, составляющие *степень разработанности проблемы*, были разделены на две группы: время и пространство в научной традиции и эпоха, жизнь и творчество Тацита.

⁴ Бессмертный Ю. Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация // <http://cmb.rsu.ru/article.html?id=57958>.

1. Время и пространство в научной традиции

Труды, посвященные осмыслению категорий «время» и «пространство» в философии, истории, психологии и культурологии. Время и пространство являются стержневыми категориями философских трудов, посвященных изучению научных картин мира (Д. М. Ахундов, П. П. Гайденок, Д. Н. Замятин, А. Н. Лой, Т. П. Лолаев, И. М. Меликов, А. М. Мостепаненко, А. И. Осипов, В. И. Свидерский)⁵. Дефиниции времени и пространства как «абстрактных континуумов», являвшихся формами координации объектов, явлений, состояний, диссонируют с содержательностью, конкретностью, образностью, метафоричностью пространственно-временных параметров донаучных картин мира, созданных обладателями мифологического типа мышления (И. П. Вейнберг, Г. С. Кнабе, А. В. Подосинов, В. Н. Топоров, В. С. Солкин)⁶.

При верификации мифологического типа мышления римлян мы отталкивались от его понимания представителями семиотического и мифолого-структуралистского подходов к истории культуры (Э. Кассирер, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров)⁷, элиминируя теорию мифотворчества и ограничиваясь лишь выявлением, изучением, упорядочением существенных особенностей, свойственных пространственно-временным представлениям римлян. Подобный опыт исследования и мифологического типа мышления, и донаучных картин мира предложен И. П. Вейнбергом, А. Я. Гуревичем⁸, Г. С. Кнабе.

В ходе исследования темпоральных представлений античности А. Ф. Лосев⁹ обосновал существование в античном сознании мифологического, эпического и классически-полисного времени. Пространственно-временной синкретизм античности стал актуальным проблемным полем А. Ю. Ашкерова¹⁰.

Важными для нас являются исследования М. А. Барга, И. М. Савельевой, А. В. Полетаева¹¹, где время и пространство представлены как категории исторической науки.

⁵ Ахундов Д. М. Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. М., 1974; Гайденок П. П. Время и вечность: парадоксы континуума // Вопросы философии. 2000. №6. С 110 – 136; Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006; Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978; Лолаев Т. П. Что такое время? // Вестник Российского философского общества. 2004. №1. С. 141—145; Он же. О «механизме» течения времени // Вопросы философии. 1996. №1. С.51—56; Он же. О некоторых методологических принципах исследования исторического времени // Философия и общество. 1998. №6. С. 144—169; Меликов И. М. Время в культуре // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1999. №2. С. 72 – 96; Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974; Осипов А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск, 1989; Свидерский В. И. Пространство и время. Философский очерк. М., 1958.

⁶ Вейнберг И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., 1986; Он же. Пространство и время в модели мира ветхозаветного историописца // Народы Азии и Африки. 1990. №6. С. 76—84; Он же. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., 1993; Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 108—166; Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1994; Солкин В. С. Египет: вселенная фараонов. М., 2014.

⁷ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М., 2001; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. М., 2000; Он же. От мифа к литературе. М., 2001; Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1994; Он же. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. I. М., 2010.

⁸ Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. №3; Он же. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 105—114.

⁹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991; Он же. Античная философия истории. СПб., 2001; Он же. Античный космос и современная наука // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993.

¹⁰ Ашкерова А. Ю. Политическое пространство и политическое время в античности // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. №2. С 27—41.

¹¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997.

Историками ментальностей проведена работа по выделению видов времени и пространства: священного времени и пространства (С. В. Бабкина, Н. Бурдо, В. В. Жданов)¹²; методов освоения (обретения, сакрализации) индифферентно (или враждебно) воспринимаемых времени и пространства (О. Буше-Леклерк, В. П. Гайденко, И. С. Клочков)¹³. Темой исследований М. Элиаде¹⁴ стала проблема обретения прошлого через праздники, посвященные календарному обновлению природы. Проблема направления течения времени в сознании человека древности рассматривалась в трудах Т. Аошуана, Е. Ю. Ваниной, И. П. Вейнберга, Д. Г. Главевой, А. Я. Гуревича, В. П. Касевичем, И. С. Клочкова¹⁵.

В перечне проблем, связанных с изучением времени и пространства, наиболее сложной является определение направления течения времени. Исследователями выявлены несколько вариантов направления времени, представленные как в массовом, так и в индивидуальном сознании преимущественно обитателей древних и средневековых цивилизаций: циклическое, где прошлое представлено как совокупность сменяющих друг друга циклов (Э. А. Спейсер¹⁶), линейное (И. С. Клочков), «спиральное» (М. Д. Ахундов¹⁷).

В современных публикациях (Е. Ю. Ванина, Д. Г. Главева, Т. Аошуан) акцент сделан на интегративном, линейно-спиральном варианте направления течения времени. К этому же выводу еще в 60-х гг. XX в. пришел и А. Я. Гуревич.

Перед современной культурно-исторической антропологией стоит задача обобщения и концептуального осмысления явлений восприятия времени и пространства в традиционных обществах и доиндустриальных цивилизациях. Данную задачу: комплексно и всесторонне изучить пространственно-временные структуры древности – исследователям позволяет решить введение понятий «картина мира» (Т. Ф. Кузнецова¹⁸), «модель мира» (В. Н. Топоров¹⁹), «хронотоп» (А. А. Ухтомский, М. М. Бахтин, Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина²⁰), «мультиверсум» (Х. Эверетт, С. Хокинг, А. д'Апремон²¹), подчеркивающих целостность духовного универсума исторических эпох и культурных состояний.

Значимым для данного исследования является понятие «картина мира». Под ней в современном гуманитарном знании понимается обобщенное представление о мире, формирующе-

¹² Бабкина С. В. Сакральное и профанное время и пространство в Кумране / дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Бурдо Н. Сакральный мир Трипольской цивилизации. Киев, 2005; Жданов В. В. Проблема времени в древнеегипетской мысли // Вопросы философии. 2003. №2. С. 152—160.

¹³ Буше-Леклерк О. История гадания в Античности: Греческая астрология, некромантия, орнитомантия / Пер. с фр. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. М., 2012; Гайденко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. №9. С. 88—98; Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983.

¹⁴ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. Хочется отметить, что в отечественной науке появились последователи М. Элиаде, конкретизировавшие его выводы на материале праздничной обрядности древних славян (Ермаков С. Э., Гаврилов Д. А. Ключи к исходному мировоззрению славян. Архетипы мифологического мышления. М., 2010).

¹⁵ Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М., 2004; Ванина Е. Ю. Средневековое мышление. Индийский вариант. М., 2007; Вейнберг И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., 1986; Главева Д. Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия. М., 2003; Гуревич А. Я. Что такое время? // Вопросы литературы. 1968. №11. С. 152—173; Касевич В. П. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб, 1996; Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983.

¹⁶ Speiser E.A. Oriental and Biblical studies. Philadelphia, 1967.

¹⁷ Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

¹⁸ Кузнецова Т. Ф., Межуев В. М., Шайтанов И. О. и др. Культура: теории и проблемы. М., 1995.

¹⁹ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1994.

²⁰ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002; Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М, 1975; Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура. Ярославль, 2011; Летина Н. Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII – XX вв.). Ярославль, 2009.

²¹ Everett H. Relative State Formulation of Quantum Mechanics // Reviews of Modern Physics, vol 29. 1957. P. 454—462 // <http://www.univer.omsk.su/omsk/Sci/Everett/paper1957.html>; Хокинг С., Эллис Дж. Крупномасштабная структура пространства-времени. Пер. с англ. Э. А. Тагилова. М., 1977; д'Апремон А. Иггдрасиль – ось жизни древних народов // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 8. М., 1999 // <http://www.arya.ru/biblio/arno/iggdr.htm>.

еся не только научным, но и обыденным опытом, культурой. Применительно к античности она обеспечивалась «целостностью религиозно-мифологического сознания»²².

Термин «модель мира» наиболее глубоко рассмотрел В. Н. Топоров. Он определяет модель мира как «упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах»²³.

Важнейшее значение для нашего исследования имеет понятие «хронотоп». Термин «хронотоп», введенный А. А. Ухтомским в контексте физиологических исследований, благодаря М. М. Бахтину стал весьма популярным в культурно-антропологических работах. Уже А. А. Ухтомский видел в хронотопе «закономерную связь пространственно-временных координат»²⁴, универсальность и возможность его применения при исследовании различных уровней бытия. М. М. Бахтин же трактовал хронотоп, прежде всего, как неразрывность пространства и времени, выражающуюся в «слиянии пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»²⁵. Причем доминирующим началом хронотопа он считал время, видя в хронотопе реализацию времени в пространстве. Если он подчеркивал в хронотопе лишь нераздельность времени и пространства литературных произведений (при доминировании в нем временного параметра), то современные исследователи видят в хронотопе интегративную категорию, представляющую собой самостоятельный универсум²⁶.

В качестве альтернативы концепции хронотопа в западной науке начинает развиваться теория так называемого мультиверсума. Данный термин начал разрабатываться в работах физиков Х. Эверетта и С. Хокинга²⁷. В западной культурно-исторической антропологии концепция мультиверсума применена А. д'Апремоном при исследовании древнескандинавской мифологии и ментальности.

Исследования ученых-психологов, посвященные восприятию пространства и времени, проводятся как на теоретическом уровне (где выявляются общие принципы, закономерности, механизмы этого процесса), так и на материалах изучения отдельных культур, эпох. Немаловажной особенностью психологических исследований поставленной проблемы является рассмотрение биологических механизмов восприятия времени и пространства, места пространственно-временных образов в сознании человека (Д. Г. Элькин, С. Л. Рубинштейн, М. Ф. Румянцева²⁸). В культурно- и социально-историческом контекстах важными представляются исследования категорий «история», «картина мира» в сознании человека (А. А. Пелипенко, Т. Х. Стародуб)²⁹.

Труды о времени и пространстве в картине мира римлян. Важнейшие ориентиры изучения пространственно-временных структур древних римлян в *аспекте коллективного созна-*

²² Кузнецова Т. Ф., Межуев В. М., Шайтанов И. О. и др. Культура: теории и проблемы. М., 1995. С. 135, 137.

²³ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1994. С. 161.

²⁴ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002. С. 347.

²⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М, 1975. С. 235.

²⁶ Летина Н. Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII – XX вв.). Ярославль, 2009; Ревзина О. Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М., 2006. С. 265—279; Главева Д. Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия. М., 2003; Островская Е. П. Категории буддийской культуры. СПб., 2000.

²⁷ Х. Эверетт выдвинул предположение о том, что в каждый квантовый момент своего существования вселенная делится надвое, образуя миллиарды копий одной вселенной. С. Хокинг трактует вселенную как квантовую частицу, которая пребывает в бесконечном множестве состояний, образуя множество возможных миров.

²⁸ Элькин Д. Г. Восприятие времени. М., 1962; Рубинштейн С. Л. Восприятие времени и пространства // Мир психологии. 1999. №4. С. 16—23; Румянцева М. Ф. Историческое время: историко-теоретические, индивидуально-психологические и моральные аспекты // Мир психологии. 1999. №4. С. 193—203.

²⁹ Пелипенко А. А. Феномен античности и становление логоцентрической картины мира // Мир психологии. 2003. №4. С. 55—64; Стародуб Т. Х. Пространство вне времени // Мир психологии. 1999. №4. С. 203—214.

ния содержатся в монографии Н. К. Тимофеевой³⁰, посвященной этрускам – создателям первой цивилизации на Апеннинском полуострове (первая половина I тыс. до н.э.).

Для нас особую значимость представляют те характеристики «картины мира» этрусков, которые переняли римляне: примат прошлого над настоящим, восприятие гаруспикации как одного из способов установления контакта с космосом, принципы организации пространства городских поселений³¹.

Время и пространство в «картине мира» обитателей древнеримской цивилизации уже не раз оказывались в проблемном поле исследований Г. С. Кнабе, А. В. Подосинова, Ю. Г. Чернышева³².

Г. С. Кнабе в своей статье о времени и пространстве в Древнем Риме признает существование только мифологического (неподвижно сохраняющегося) и исторического (динамично движущегося) видов времени. Восприятие пространства римлянами реконструируется историком с помощью понятий «римский шовинизм» и «римский космополитизм». «Римский шовинизм», по его суждениям, проявляется в представлениях римлян о собственном превосходстве над другими народами, своей, дарованной свыше роли доминирования над ними. Но в то же время противоположная тенденция их сознания – «римский космополитизм» – диктовала им необходимость освоения и романизации завоеванных территорий.

Ю. Г. Чернышев создал подробное исследование о важном способе репрезентации пространства в Древнем Риме – конструировании «мнимой реальности» в форме утопии. Речь идет, в основном, о помещении «идеального» общественного состояния в настоящее и увязывании его с правлением действующего императора. Подобный подход к изучению пространственно-временного континуума открывает возможность исследования хронотопа принципата.

Восприятие среды обитания римлянами рассматривали П. Федели и Е. М. Штаерман. П. Федели³³ отметил, что убежденность римлян в их превосходстве над другими народами укоренялась в представлениях о существовании на землях Италии лучшей для организации жизни природной среды.

Е. М. Штаерман исследовала восприятие римлянами космического пространства³⁴. Автор отмечает роль затмений в корректировке религиозной и политической жизни римлян, подчеркивая особое значение лунных циклов в построении календаря и осуществлении магических ритуалов. Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что на рубеже II—I вв. до н.э. ослабела действенность «римского мифа» и возникла необходимость в новом мировоззрении, основанном на слиянии римского и космического. Мыслителей I в. н.э. вдохновляла миссия познания законов природы и возрождения нравов. Но во II в. интерес римлян к космосу ослабел – на первый план выдвинулась политика, выработка образа идеального императора.

Исследования осмысления времени и пространства в античности касались также *индивидуального сознания римлян – сознания историков*. Для исследователей античного историописания характерно пристальное внимание в личности историка и особенностям его мыслительного процесса. Так, И. Е. Суриков³⁵ признал наличие трех образов времени в сознании

³⁰ Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980.

³¹ Там же. С. 35, 52, 81.

³² Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 108—166; Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999; Чернышев Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Часть II: Ранний принципат. Новосибирск, 1992.

³³ Федели П. Человек и природная среда в римском мире // ВДИ. 1995. №3. С. 103—109.

³⁴ Штаерман Е. М. Человек и космос в мире Рима // ВДИ. 1992. №3. С. 179 – 211.

³⁵ Суриков И. Е. Образы времени в историческом труде Геродота // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 10—35.

«отца истории»: «время-линия», «время-точка» и «время-плоскость». Очевидно, что в Греции середины I тысячелетия до н.э. отношение ко времени как к абстракции только зарождалось, поэтому Геродот испытывал страх и неуверенность перед неопределенно длительным хроносом, предпочитая «насыщать» свой труд конкретными и понятными ему отрезками времени: год, пора, век.

Пространственно-временные ориентиры сознания и произведений Гая Саллюстия Криспа³⁶ – выдающегося историка I в. до н.э. – попали в поле зрения А. В. Короленкова³⁷. Саллюстий, по его интерпретации, испытывал восторг по отношению к римскому прошлому, к нравам предков, хотя восприятие истории Рима как регресса сочеталось у него с представлениями о «дикости» дальних предков римлян.

Единственным исследованием темпоральных характеристик сознания Корнелия Тацита, представленных в одном из его ранних сочинений, является статья О. Г. Колосовой³⁸. Ее подход к изучению времени в сознании историка основан на лингвистическом анализе терминов, имеющих отношение ко времени, а также на сопоставлении семантики этих терминов со спецификой их употребления известным преподавателем риторики Квинтилианом³⁹.

Проблема модели времени в сознании древнеримских эрудитов рассмотрена в исследовании В. А. Лимонова⁴⁰. В нем представлено осмысление направления и особенностей течения времени, произведенное на материалах классических произведений римского наследия. У Вергилия ученый наблюдает выражение идеи предзаданности великой судьбы Рима, у Цицерона – четырехступенчатую эволюционную картину развития мира, осуществлявшегося по воле богов. Лукреций, развенчавший миф о «золотом веке», предстает создателем сложной схемы развития человечества, в которой сочетаются и линейное, и возвратно-поступательное движение. Гораций понимал историю бытия как циклически упорядоченную смену поколений в интерпретации постепенной «порчи времени». Для Полибия история представляла собой «круговорот государственного общежития», но каждый возврат был связан с появлением элементов новизны.

При выявлении пространственно-временных ориентиров индивидуального исторического сознания исследователи исходят из признания его комплексности: в нем присутствуют и наслоения массового сознания, и индивидуальные проявления рефлексировавшего над пространственно-временными измерениями интеллектуала.

³⁶ Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.) – древнеримский историк, реформатор античной историографии, оказавший значительное влияние на Тацита и других историков. Первым стал вводить в повествование речи героев.

³⁷ Короленков А. В. Восприятие времени в римской литературе на смене эпох: Саллюстий // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 145—166.

³⁸ Колосова О. Г. Восприятие времени в диалоге Тацита «Об ораторах» // Диалог со временем. 1999. №1. С. 36—45.

³⁹ Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35—ок. 96) – римский ритор (учитель красноречия), автор «Наставлений оратору» – самого полного учебника ораторского искусства, дошедшего до нас от античности. Эту книгу изучали во всех риторских школах, наряду с сочинениями Цицерона.

⁴⁰ Лимонов В. А. Идея исторического циклизма в античной картине мира (римская античность) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007, №8. С. 64—70.

2. Эпоха, жизнь и творчество Тацита: российские и зарубежные исследования

Труды, посвященные историческому и культурно-идеологическому контексту жизни Тацита. Политическая история Римской империи в эпоху принципата традиционно освещается в рамках исследований по истории Древнего Рима. Примерами могут служить монографии М. Гранта, К. Криста⁴¹. Работа К. Криста «История времен римских императоров» отличается глубоким анализом жизни римлян в эпоху Империи и меткими характеристиками личностей, создавших новую форму государственного устройства мировой римской державы.

В сочинении Г. Моргана⁴² дан анализ одного из наиболее значимых событий I в. – гражданской войны 68—69 гг., свидетелем которой был Тацит. Этот же сюжет был рассмотрен В. А. Гольденбергом⁴³ в 50-х гг. XX в.

Фундаментальной работой о сущности принципата является исследование Н. А. Машкина⁴⁴, отдельные положения которой были конкретизированы и развиты А. Б. Егоровым⁴⁵. По мнению этих историков, принципат представлял собой синтез отмиравших республиканских институтов и укреплявшейся монархической власти.

В последнее время проблемами режима принципата активно занимается К. В. Вержбицкий⁴⁶.

Важный вклад в изучение духовной культуры и идеологии древних римлян внесли зарубежные историки: П. Гиро, Ж. Каркопино, Ж.-Н. Роббер⁴⁷. Моделируя картины повседневной жизни обитателей Лация, Ж. Каркопино уделил внимание религиозности римлян, а Ж.-Н. Робер – семантике их праздничной культуры и интеллектуальным наслаждениям.

Ценные наблюдения за римской культурой сделал Й. Хейзинга⁴⁸. По его мнению, религия в Риме имела чисто прагматический, даже государственный характер. Религия римлян никогда не имела метафизического наполнения. Отражая рационализм римлян, она стала фактически одним из государственных институтов эпохи Империи.

В монографии польского исследователя Л. Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»⁴⁹ подробно, с опорой на разнообразные виды источников освещаются многочисленные аспекты бытовой, культурной и религиозной жизни греков и римлян. Особенно важными представляются главы, раскрывающие восприятие времени римлянами и их религиозный мир (гадания, праздники).

Ф. Ф. Зелинский явился ярким отечественным исследователем рубежа XIX – XX вв., изучавшим духовную культуру античности. Одним из центральных в его исследованиях является понятие «душа». По его мнению, «коллективная человеческая душа» ярко проявляет себя в языке, религии, нравах эпохи. Основная заслуга Ф. Ф. Зелинского состоит в оригинальных оценках продуктов «человеческой души».

⁴¹ Грант М. Цивилизация Древнего Рима. М., 2005; Он же. Римские императоры. М., 1998; Крист К. История времен римских императоров. Ростов-н/Д, 1997.

⁴² Morgan G. 69 A.D. The year of four emperors. Oxford, 2006.

⁴³ Гольденберг В. А. Очерки по истории Римской империи в I веке н. э. Гражданская война 69 года н. э. Харьков, 1958.

⁴⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., 1949.

⁴⁵ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

⁴⁶ Вержбицкий К. В. Развитие системы принципата при императоре Тиберии (14—37 гг. н.э.). СПб., 2002.

⁴⁷ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. М, 1995; Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей Империи / пер. с фр. И. И. Маханькова. М., 2008; Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений / пер. с фр. Т. А. Левиной. М., 2006.

⁴⁸ Хейзинга Й. Homo ludens / Пер. Д. В. Сильвестрова. М., 1997. С. 169 – 172.

⁴⁹ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В. К. Ронина. М., 1988.

Кроме того, Ф. Ф. Зелинский⁵⁰ предложил свое объяснение процесса исторической динамики античной цивилизации: с учетом идеологических подвижек индивидуального и массового сознания обитателей Древней Греции и Рима⁵¹. В виду различных инновационных (для своего времени) идей Ф. Ф. Зелинский признается основоположником культурологического направления в историографии античности⁵². Именно он начал разрабатывать подходы к изучению популярных в наши дни проблем изучения ментальности, мифологического мировосприятия и его проявлений у обитателей древних цивилизаций.

Историю римской религии выбрала предметом своего специального исследования Е. М. Штаерман⁵³, причем подход ученой примечателен трактовкой римской религии как особого социального явления, рассмотрением связи религиозного сознания с ценностными и идеологическими концептами и категориями мышления римлян. Особое значение Е. М. Штаерман придает рассмотрению формирования культа императора и сущности «Римского Мира».

Идеологическим установкам эпохи принципата посвятили свои исследования Н. А. Машкин, С. Л. Утченко, Я. Ю. Межерицкий, М. Г. Абрамзон⁵⁴. С. Л. Утченко в своем труде о политических учениях в Древнем Риме рассмотрел наиболее популярные идеи и теории: о государстве, гражданине, идеальном правителе, упадке нравов, которые получили распространение среди различных социо-культурных групп древнеримского общества и применялись в качестве официальной пропаганды. Я. Ю. Межерицкий, осмысливая метаморфозы «республиканской монархии», сосредоточил свое внимание на идеологических концепциях принципата Августа. В центре внимания М. Г. Абрамзона оказались технологии пропаганды религиозной и культурной политики, в частности, императорского культа и «золотого века».

Труды, посвященные историческому наследию Корнелия Тацита. Одним из первых приступил к изучению творчества Тацита В. И. Модестов⁵⁵. Он провел источниковедческий анализ произведений Тацита и исследовал мировоззрение историка. На страницах его труда Тацит предстает весьма противоречивой личностью: он не симпатизировал режиму принципата, однако понял его, не зная способов восстановления Республики. Тацит провозгласил умеренность как высшую добродетель политика, но восхвалял людей, которым она была чужда. Сближаясь с римскими стойками в своих представлениях, он стоял во главе философского движения своей эпохи⁵⁶.

Наиболее авторитетным исследователем наследия Тацита является Г. С. Кнабе. В его монографии об эпохе и книгах Тацита⁵⁷ содержится источниковедческая концепция творчества историка.

К. В. Вержбицкий, изучая политические взгляды писателя⁵⁸, сделал вывод о том, что решающее значение на становление Тацита как историка оказало правление Домициана,

⁵⁰ Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. 2-е изд. СПб., 1995. С. 6,7.

⁵¹ Там же. С. 4,5.

⁵² Перфилова Т. Б. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф. Ф. Зелинского. Ярославль, 2009. С. 289.

⁵³ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

⁵⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., 1949; Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977; Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., 1994; Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

⁵⁵ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб., 1864.

⁵⁶ Там же. С. 159.

⁵⁷ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М., 1981; Он же. Римская биография и «Жизнеописание Агриколы» Тацита // ВДИ. 1980. №4. С. 54—73.

⁵⁸ Вержбицкий К. В. Политические взгляды Тацита // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 337 – 349; Он же. «Анналы» Тацита перед судом исторической критики (XIX – XX вв.) // Мнемон. Исследования и публикации

поэтому принцепсы представлялись Тациту, по образцу Домициана, жестокими тиранами: «Антидомициановский переворот сделал из Тацита того, кем он должен был стать – историографа императорского деспотизма и подбострастия сената»⁵⁹.

Г. Морган, исследуя гражданскую войну 68—69 гг., обращался к свидетельствам Тацита и, оценивая их, подчеркнул тенденциозность и чрезмерную эмоциональность древнеримского историка.

Специальные статьи творчеству Тацита посвятили А. Б. Черняк и А. С. Крюков⁶⁰. В рамках общих работ о Римской империи творчество Тацита затрагивали Г. Буассье, М. Грант, П. Грималь, В. С. Дуров, А. И. Немировский⁶¹.

Итак, пространственно-временная проблематика является весьма актуальной темой в современной науке. Исследования времени и пространства осуществлялись и в философском, и в историческом, и в культурологическом дискурсах.

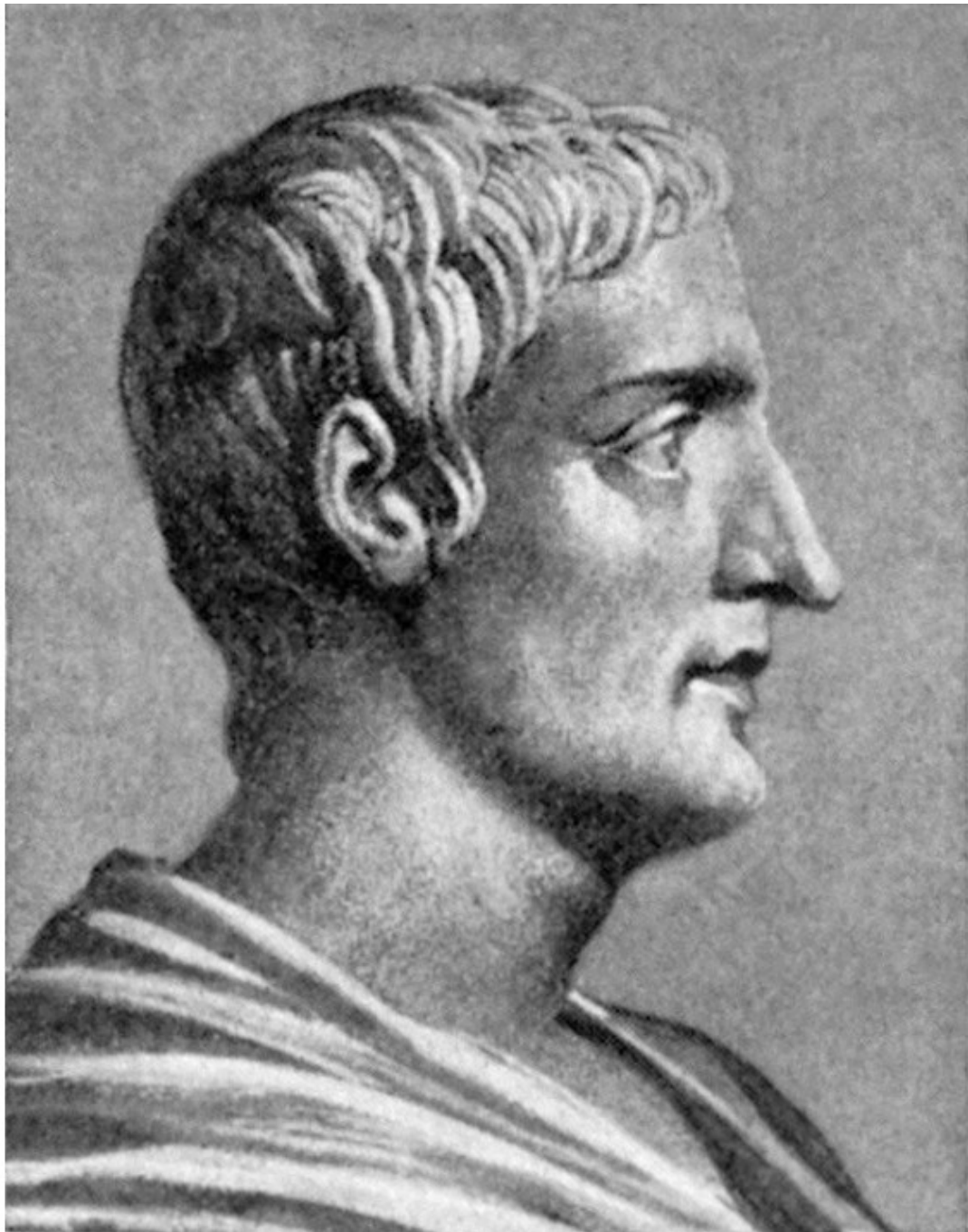
Отличительной чертой рассмотрения времени и пространства в культурно-исторических работах является изучение их как категорий ментальности, коллективного сознания. Однако ощущается недостаток исследований античного сознания, и в особенности, древнеримского. В настоящее время исчерпывающе изученным оказался только один аспект восприятия пространства древними римлянами – их ориентация по странам света (А. В. Подосинов). Некоторые наблюдения за осмыслением римлянами мифологического и исторического времени были сделаны Г. С. Кнабе, восприятия среды обитания – П. Федели и Е. М. Штаерман, а один из способов конструирования отдаленного «мнимого» пространства изучил Ю. Г. Чернышев. Внимание к отдельным характеристикам осознания времени римской интеллектуальной элитой проявили А. В. Короленков и О. Г. Колосова. Однако проблема места времени и пространства в сознании римлян I – начала II в. не получила еще систематического освещения и не была предметом специального исследования.

по истории античного мира. СПб., 2002. С. 307 – 332; Он же. О достоверности образа Тиберия в «Анналах» Тацита // Альманах «Университетский историк». СПб., 2002. Вып. 1. С. 27—42.

⁵⁹ Вержбицкий К. В. Политические взгляды Тацита // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 338.

⁶⁰ Черняк А. Б. Тацит и жанр парных речей полководцев в античной историографии // ВДИ. 1983. №4. С. 150 – 161; Крюков А. С. Устная традиция в «Анналах» Тацита // ВДИ. 1997. №1. С. 133—147.

⁶¹ Буассье Г. Общественные настроения времен римских Цезарей. Пг., 1915; Немировский А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986; Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000; Грант М. Цивилизация Древнего Рима / Пер. с англ. И. Ю. Мартыанова. М., 2005; Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008.

Предполагаемый портрет Корнелия Тацита (неизвестный автор XX в.)

3. Эпоха Тацита: историко-культурный контекст времени ранней империи

Конец эпохи гражданских войн, начавшейся в Римской республике в 30-х гг. II в. до н.э., был положен Гаем Юлием Цезарем Октавианом⁶², разбившем 2 сентября 31 г. до н.э. флот Антония и Клеопатры в морском сражении у мыса Акция и присоединением Египта к римским владениям. Вслед за этим произошел символический акт, обозначивший переход к особому режиму управления государством: 13 января 27 г. до н.э. Октавиан отказался от чрезвычайных полномочий⁶³ и «возвратил Республику сенату и народу». С этого момента он стал носить имя Император Цезарь Август. Еще одно показательное действие он предпринял в 17 г. до н.э., отпраздновав Секулярные игры, – «грандиозный пропагандистский фарс, который должен был знаменовать наступление „золотого века“; его начало совершенно ясно связывалось с установлением нового режима»⁶⁴.

Характер процесса, скрывавшегося за этими мероприятиями, является в науке остро дискуссионной проблемой. По мнению исследователей, в ее историографии можно выделить два направления: «революционное» (представители которого считают переход Рима от Республики к Империи революцией) и «реформаторское» (сторонники которого, соответственно, рассматривают этот переход как комплекс планомерных реформ, направленных на модернизацию управления страной). Данная проблема считается еще далекой от решения⁶⁵.

⁶² Гай Юлий Цезарь Октавиан, или Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) – усыновленный Юлием Цезарем его внучатый племянник, при рождении носил имя Гай Октавий Фурин.

⁶³ Начиная с 31 г. до н.э. Октавиан Август ежегодно избирался на должность консула.

⁶⁴ Межеричкий Я. Ю. Император Август, основание Империи и проблема рубежа цивилизации // *Цивилизации*. Вып. 3. М., 1995. С. 185.

⁶⁵ Чеканова Н. В. К проблеме перехода от Республики к Империи: революция или реформа? // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб., 2002. С. 174.

Октавиан Август

История Римской империи I – начала II в. связана, с одной стороны, с заметным расширением ее границ, с другой – с обилием всплесков внутривластной борьбы и социальных катаклизмов, а также антиримских восстаний, которые были порождены противоречиями режима принципата и его разраставшейся ойкуменой. Уже в правление Октавиана Августа (30 г. до н.э.—14 г. н.э.), явившегося первым императором династии Юлиев-Клавдиев, у Рима появились пять новых провинций: Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация, Реция. Своих максимальных границ Римская империя достигла к 116 г. н.э. при императоре Траяне после его многочисленных военных побед на Востоке⁶⁶.

При Августе и следующих четырех принцепсах династии Юлиев-Клавдиев постепенно формировались имперские структуры и монархические порядки, создавалось новое общество, свободные члены которого обладали имперским мировосприятием, закладывались основы внутреннего управления и внешней политики, которых затем придерживались последующие представители династий Флавиев и Антонинов. Эти изменения происходили под прикрытием активно пропагандировавшегося властью официального режима «восстановленной Республики» и под влиянием все еще сильных республиканских традиций.

Сила этих традиций воплотилась в появлении политической оппозиции новому усилившемуся режиму управления. Главным орудием преследований сторонников политической оппозиции⁶⁷ становится введенный Тиберием закон об оскорблении величия римского народа и особы императора. В глазах Тиберия дружеские союзы и интеллектуальные беседы, сопро-

⁶⁶ Максимальные границы Римской империи показаны на карте в приложении 1.

⁶⁷ В изучаемый период оппозиция императорскому режиму консолидировалась вокруг молодого и популярного полководца Германика Цезаря, после смерти которого лидирующие позиции среди недовольных заняла его жена Агриппина.

вождавшиеся пышными трапезами, были главным рассадником недовольства политикой правительств. Тацит передает нам слова одной из его речей: «Мне известно, что на пирах и в дружеских собраниях возмущаются непомерной роскошью [принцепса. – А.Б.] и требуют, чтобы ей был положен предел» [Ann., III, 54].

В возрасте 78 лет (в 37 г.) Тиберий был задушен в своем дворце, а новым императором был объявлен один из сыновей Германика – Гай Цезарь, прозванный Калигулой (37—41 гг.). По мнению специалистов, главной чертой Калигулы являлось «восприятие себя как сверхчеловека, которому все дозволено»⁶⁸. По мнению К. Криста, он воспринимал принципат как абсолютную власть, считал своей личной собственностью людей, провинции, все государство, требовал при приветствии целования рук и ног⁶⁹. Калигула постоянно организовывал роскошные зрелища и производил массовые раздачи, чем быстро истощил казну. Осознав, что деньги в казне кончились, он попытался исправить это, конфискуя имущество сенаторов и богатых римлян. В ответ на произвол императора в среде сенаторов и командного состава преторианцев – личной гвардии принцепсов – возник заговор, в результате которого в январе 41 г. император был убит.

Новым императором был провозглашен дядя Калигулы Клавдий (41—54 гг.). Он возобновил агрессивную внешнюю политику, ведя активные захватнические войны. Именно при нем в состав Римской империи были включены Мавритания, Британия и Фракия, в зависимости от Рима оказались Ольвия, Херсонес и Боспорское царство. В его правление происходят волнения в Иудее, в результате чего иудеи изгоняются из Рима (около 51 г.⁷⁰).

В правление преемника Клавдия, Нерона (54—68 гг.) обострилась внутривластная обстановка в Империи. От Рима отпала Британия, разразились восстания в Иудее, Галлии, в самом Риме был раскрыт заговор против императора. Волнения в Галлии в 68 г. стали для него настоящей опасностью. Вслед за ними вспыхнуло восстание в Испании, где войска провозгласили новым императором наместника Тарраконской Испании Гальбу. Затем в Аквитании поднял мятеж ее наместник Юлий Виндекс, призвавший наместников других западных провинций присоединиться к нему. Восстание было подавлено верхнегерманскими легионами, которые стали требовать избрания нового императора. После этого Нерон бежал из Рима; сенат принял решение о его низложении и утвердил Гальбу в качестве нового императора. Нерон был последним императором династии Юлиев-Клавдиев.

При императорах династии Юлиев-Клавдиев произошли изменения сословия сенаторов. В правление Октавиана Августа в него вошли новые члены, готовые во всем поддерживать императорскую власть, к ним примкнули представители других сословий, которые могли делать карьеру только на императорской службе, всадники и императорские вольноотпущенники. Создание новой аристократии породило оппозиционные настроения у старой сенатской знати, выразителем которых и явился Тацит. В 68 г. в Римской империи разразился политический кризис, вылившийся в гражданскую войну, ставшую темой крупного исторического труда Тацита – «История».

Вступивший в Рим в 68 г. Гальба, отказался выдать подарки преторианцам, которые им обещали его сторонники. Кроме того, он обложил колонии ветеранов (воинов, ушедших в отставку) штрафами и конфискациями. Возмущенные жители колоний вступили в союз с легионами, стоявшими на Рейне, и вместе они объявили императором наместника Нижней Германии Вителлия. Просенатская политика Гальбы вызвала недовольство римского плебса и преторианцев. Вскоре был организован очередной заговор, в результате которого 15 января

⁶⁸ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 164.

⁶⁹ Крист К. История времен римских императоров. Ростов-н/Д, 1997. С. 280.

⁷⁰ Рогова Ю. К. Император Клавдий и его постановления в отношении иудеев // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. СПб., 2001 (<http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/rogova.htm>).

69 г. Гальба был убит, а главой государства провозглашен глава заговорщиков – Отон. Столь недолгое правление Гальбы, а также его просенатская направленность дали повод Г. Моргану писать об этом принцепсе как о «последнем вздохе республиканской аристократии» («Galba looks more like the last gasp of the republican aristocracy»)⁷¹.

Большинство провинций признали Отона, но против него была настроена рейнская армия и население Восточной Галлии, которые уже провозгласили императором Вителлия. На встречу сформированным против него армиям Отон двинулся весной 69 г., но около г. Бедриака его войска потерпели поражение и в апреле 69 г. Отон покончил с собой.

Армия и сенат признали императором Вителлия, но появился новый претендент на престол – Веспасиан Флавий, командующий римской армией, действовавшей против иудейских повстанцев. Летом 69 г. в Берите (совр. Бейрут) собрались наместники восточных провинций, военачальники римских легионов, которые выбрали императором Веспасиана. Сенат также предпочел его, а не Вителлия. Возле г. Кремона войска последнего потерпели поражение от Веспасиана, положившего начало династии Флавиев.

Политический кризис 68—69 гг., вылившийся в гражданскую войну, продемонстрировал желание римской армии активно участвовать в политической жизни Империи. Так, Гальба был провозглашен императором войсками, дислоцированными в Испании, Вителлий – в Германии, а Веспасиан – в Сирии. Комментируя эти события, Тацит заметил, что теперь «выяснилось, что им [принцепсом. – А.Б.] можно стать не только в Риме» [Hist., I, 4].

В годы правления Веспасиана (69—79 гг.) – первого императора новой династии Флавиев – снова произошло несколько восстаний в провинциях: Иудее, Северной Галлии, Нижней Германии. Восстание в Иудее было подавлено с большой жестокостью и крупными потерями со стороны римлян. Иерусалим был полностью разрушен. Организатором восстания в Галлии был вождь племени батавов Цивилис, когда-то служивший у Вителлия, но бежавший от римлян. К германским батавам присоединились многие воины из союзнических подразделений римской армии. Но это восстание было подавлено практически сразу же после того, как сын Веспасиана, Тит Флавий (его соправитель, впоследствии император в 79—81 гг.⁷²) взял мятежный Иерусалим.

Веспасиан старался установить дружественные отношения с сенатом, в ответ на что сенаторы издали постановление о предоставлении ему прав верховного правителя государства. Примечательно, что Веспасиан на государственном уровне поддерживал интеллектуальную элиту Рима. Из государственных средств он выплачивал жалованье латинским и греческим риторам; подарки от него получали поэты, художники, актеры и музыканты [Suet., Vesp., 17]. Именно при Веспасиане началась политическая карьера Тацита. Происходя из всаднического сословия, будущий историк быстро продвинулся как талантливый оратор, а дальнейшему продвижению по лестнице государственных должностей способствовала его женитьба на дочери знаменитого полководца и видного сенатора Агриколы. Веспасиан же сначала включил Тацита в число наиболее преданных лиц своего окружения, а затем помог удержаться в кругу политической элиты Римской империи.

При Домициане (81—96 гг.) – младшем сыне Веспасиана – римские войска сумели овладеть крайней юго-западной частью Германии, а также землями между верхним течением Рейна и Дуная. Но на Востоке во время его правления похвастаться успешными действиями римляне не могли. Неудачными оказались попытки занять выходы к побережью Каспийского моря. Кроме того, на Балканском полуострове племена даков, сарматов и маркоманов объединились под руководством Децебала, который нанес римлянам ряд тяжелых поражений. Домициан

⁷¹ Morgan G. 69 A.D. The year of four emperors. Oxford, 2006. P. 262.

⁷² Короткое правление Тита сделало его весьма популярным среди широких масс римлян. Подробнее об этом: Егоров А. Б. Правление Веспасиана и Тита // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 283—305.

также запомнился своим террором, пиком которого был 94 г., когда состоялись самые крупные после Нерона гонения на христиан⁷³. Кроме них, террору подверглась часть сенаторов, названных «стоической оппозицией». Идеи стоиков о том, что только честность есть благо и только подлость есть зло, помогли врагам принцепса упорствовать в своей оппозиционности и делали их опасными для Домициана⁷⁴. Военные неудачи и акты террора подорвали авторитет Домициана, и в 96 г. он был убит в результате заговора.

Тацит приветствовал этот новый государственный переворот. Став претором (88 г.), а затем и членом жреческой коллегии квиндецемвиров именно при Домициане, историк, отбыв претуру, покинул Рим. Как член коллегии квиндецемвиров, управлявшей культами иноземного происхождения, он занимал пожизненную жреческую должность. Примечательно то, что Тацит, будучи сыном прокуратора, не достигнув еще и тридцати лет, стал членом коллегии жрецов, которой отводилась особая роль в деле укрепления Империи. А избрание квиндецемвира – Тацита – еще и претором означало назначение его руководителем центрального пропагандистского акта правления Домициана – грандиозных по своей масштабности Вековых игр. Кроме того, в пору зрелости Тацит считался одним из виднейших римских юристов.

Вернувшись в Рим в 93 г., в самый разгар террора против реальной и мнимой сенатской оппозиции, Тацит осознал, что он сам и другие уцелевшие сенаторы являлись безмолвными соучастниками этого террора. Эта точка зрения, как считают специалисты⁷⁵, наложила сильный отпечаток на мировоззрение историка.

История Римской империи II в. получила у К. Криста название «адоптивной» империи, поскольку продолжение власти правящего императора осуществлялось путем усыновления. Причем, критериями для подбора преемника были работоспособность и пригодность к руководству столь обширной Империей, а не как раньше, при Юлиях-Клавдиях, родство с домом принцепса. Установление такого порядка престолонаследия было спровоцировано фактом усыновления Гальбой Пизона, что позднее явилось одной из причин создания Тацитом своей первой крупной работы «История». Резюмируя изменения в управлении Империей, К. Крист заметил, что «прошли те времена, когда принципат был наследием одной семьи»⁷⁶.

После гибели Домициана сенат провозгласил императором одного из старейших сенаторов Марка Кокцея Нерву, что вызвало взрыв недовольства преторианцев и легионеров. Он стал первым императором династии Антонинов (96—192 гг.).

В 97 г. Нерва назначает Тацита консулом. В это время историк обращается к литературной деятельности с целью осмысления произошедших событий и сложившейся исторической ситуации. После смерти Домициана Тацит, пользуясь относительной свободой, «хочет описать в назидание и предостережение потомков недавнее бесславное прошлое, его позор и преступления»⁷⁷. Но вместе с этим упоминает и немногих отважных, достойных благосклонного отношения римлян. Год смерти Тацита не известен⁷⁸

⁷³ Парфенов В. Н. *Pessimus princeps*. Принципат Домициана в кривом зеркале античной традиции // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 216.

⁷⁴ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М., 1981. С. 7.

⁷⁵ Бокшанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 98.

⁷⁶ Крист К. История времен римских императоров. Ростов-н/Д, 1997. С. 382.

⁷⁷ Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. С. 303.

⁷⁸ В одном из новых учебников по истории Древнего Рима даны следующие даты жизни Тацита: 50—120 гг. (Буданова В. П., Токмаков В. Н., Уколова В. И., Чаплыгина Н. А. Древний Рим: Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 546). У А. Г. Бокшанина указываются другие годы ок. 58 – после 117 (Бокшанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 97).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.